

Никонову» (Б, сходно А и В). Но в рассказе о жизни в Тобольске он ничего не сообщал о своем обличении «Никоновой ереси». В Прянишниковском же списке сохранилась и начальная часть этих рассуждений Аввакума: «... В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедавая слово божие и ево Никонову обличая ересь... Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену» (317).

Еще более убедительный пример первоначальности Прянишниковского списка — описание в нем бунта горожан в Юрьевце-Повольском против протопопа, отличающееся от описания в трех других редакциях Жития. В редакции Б (сходно в А и В) читаем: «... государь меня велел поставить в Юрьевец в протопопы. И тут пожил немного, — только осмь недель: диявол научил попов и мужиков и баб, — пришли к патриархову приказу, где я духовныя дела делаю, и, вытаща меня ис приказу собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батошьем и топтали; и бабы были с рычагами... Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...» (95).

Действительная мотивировка бунта в рассказе почти утрачена, только в конце появляется намек на причины возмущения: «Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...». Но, может быть, те, которых он унимал от «блудни», только «вопят» сильнее других («наипаче же ... вопят»)? А основная причина — «диявол», который «научил мужиков и баб»?

Прянишниковский список сохранил объяснения истинных причин бунта: «... государь меня велел поставить в Юрьевец Повольской в протопопы. И по государеву указу велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви. Аз же внимаю о исправлении людском; людие же одержими пьянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божим, а не покаряющихся истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове. Оне же рассвирепев, на мя собравшеся, человек тысящи с полторы и больши, вытащили меня из патриарховы избы и били ослопьем и кинули замертво под избным углом. И помале приехал воевода, оттащил меня в дом мой, поставил и сторожу, — аз же отдохнув. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика, наипаче же попы и жены, которых унимал от блудни, вопят...» (312—313).

Иногда Прянишниковский список сохранил лучший текст, испорченный в последующих редакциях Жития (даже в автографах!).⁴⁴

И в редакции А, и в В, и в Б содержится текст с явным пропуском: описывая обращение с челобитной к царю по поводу избрания патриарха в 1652 г. после смерти патриарха Иосифа, Аввакум сообщил: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде сего приезде Стефан духовник моля бога и постясь седмицу з братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице, — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал...» (А, 14). Так читается и в В, и в Б.

Заметна несогласованность текста: Стефан Волифатиев «молит бога» о патриархе, он же «з братьею» подает челобитную «о духовнике Стефане», и «он же не восхотел сам». Очевидно, что челобитная царю была

⁴⁴ Можно указать целый ряд пропусков и описок Аввакума и в автографе А, и в автографе В.